

Я. Г. Шемякин¹

О КРИТЕРИЯХ РАЗЛИЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТИПОВ В СВЕТЕ «ДИАЛОГИКИ» М. М. БАХТИНА

На наш взгляд, ключевое значение для изучения закономерностей межкультурного взаимодействия имеет понимание М. М. Бахтиным специфики гуманитарного знания. Согласно Бахтину она определяется самим предметом гуманитарных наук. Данный предмет — не что иное, как «выразительное и говорящее бытие», то есть человек во всем многообразии своих проявлений². «Критерий здесь не точность познания» в смысле естественно-научном, «а глубина проникновения»³. Тем не менее знание о человеке и его мире имеет свой критерий точности: «В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чуждого без превращения его в чисто свое»⁴. Выдвижение подобной интерпретации понятия «точность» непосредственно обусловлено тем, как Бахтин понимает метафору глубины.

В его интерпретации речь идет об основе, на которой разворачивается процесс творения человеком его собственного, человеческого мира. И основа эта — диалогическое общение, отождествляемое с самим процессом жизни «человека разумного» во всех его проявлениях: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни...»⁵ Таким образом, согласно логике концепции Бахтина вся человеческая деятельность на всех уровнях, все бытие *homo sapiens*, как социальное, так и индивидуальное, рассматривается как диалогическое общение. Соответственно все многообразные виды социальной и индивидуальной практики предстают в этом свете как превращение формы диалога человека с другими людьми, с обществом в самых различных его ипостасях, с природой, с самим собой, с сакральным и мирским измерениями жизни.

Данное утверждение касается в том числе межкультурного и внутрицивилизационного взаимодействия.

Если исходить из принципов бахтинской «диалогичности», то сама цивилизация как способ решения ключевых экзистенциальных проблем должна быть определена как специфическая для той или иной культур-

но-исторической макрообщности форма диалога этой макрообщности и входящих в нее индивидов с сакральным и мирским измерениями жизни, природой, с иными человеческими сообществами, собственным прошлым; социума как целого с индивидуальным измерением жизни каждого его члена.

После «лингвистического поворота» в философии и историографии второй половины XX века стало очевидно, что с семиотической точки зрения цивилизация может быть рассмотрена как текст. В развитие этой линии интерпретации позволим себе добавить следующие соображения.

В когнитивном горизонте семиотики цивилизация, воспринимаемая как диалог, предстает в двух ипостасях: как текст и как дискурс. Цивилизация как текст — это сложная система взаимосвязи определенных ценностей, принципов и установок поведения. Цивилизация как дискурс — это она же как текст во взаимодействии с внетекстовой (экстралингвистической) реальностью. Цивилизация как дискурс — это единство основополагающих для нее ценностей, принципов и установок и форм и способов их реализации во всех видах социальной практики во всех сферах человеческой жизни. Культурно-исторический облик цивилизации определяется тем, какие из них приняты в качестве духовной основы, и тем, каким образом они реализуются в действительности.

Цивилизация как диалог в своей текстуальной ипостаси предстает в виде смыслоструктуры, центральная ось которой — принцип отношения к Другому, то есть иному участнику диалогического общения, утверждаемый как основополагающая ценностная ориентация поведения. Именно отношение к Другому определяет структуру диалогической основы социальности того или иного человеческого мира.

Обобщение опыта мировой истории позволяет выделить два противоположных по своему характеру подхода к проблеме Другого, воплощенных в двух принципиально отличающихся друг от друга видах дискурса: «исключающем» и «включающем».

Суть первого заключается в следующем: Другой признается как необходимое условие осуществления процесса самоидентификации, но при этом рассматривается осуществляющим этот процесс социокультурным субъектом как нечто абсолютно ему чуждое, стоящее на неизмеримо более низкой ступени в иерархии бытия, он не допускается в собственное жизненное пространство данного субъекта.

«Включающий» дискурс основан на противоположном подходе: Другой включается в собственное жизненное пространство субъекта в качестве его неотъемлемой составляющей (причем вне зависимости от отношения к нему), воспринимается как естественная данность, неотделимая от этого пространства.

Следует особо отметить, что в обоих случаях речь идет о преобладающих тенденциях, которые сформир-

¹ Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.

² Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1997. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х гг. С. 8.

³ Там же. С. 7.

⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2013. С. 392.

⁵ Там же. С. 337.

ровались исторически, пробивали и пробивают себе дорогу в борьбе с контртенденциями. Любая конкретная цивилизация, рассматриваемая как дискурс, предстает как противоречивое, конфликтное единство тенденций «включения» и «исключения» Другого. Преобладание той или иной из них определяет способ формирования диалогической основы социальности и тем самым тип цивилизации.

Существует множество вариантов цивилизационной классификации. Обобщая как результаты собственных сравнительных цивилизационных исследований (главным образом в рамках «триптиха» «Россия–Латинская Америка–Запад»), так и опыт коллег, автор этих строк выдвинул и обосновал в работах, увидевших свет в течение более 20 лет¹, концепцию, в соответствии с которой главным критерием, по которому следует различать цивилизационные типы, является соотношение основополагающих структурообразующих принципов единства и многообразия. Все цивилизации являют собой огромные человеческие миры, состоящие из множества самых разнообразных (этнических, религиозных, национальных и др.) элементов, но единые в самой глубокой своей основе. Однако соотношение начал единства и многообразия коренным образом отличается в цивилизациях, которые мы условно характеризуем как «классические», и тех, которые характеризуются нами как «пограничные». К числу первых относятся Запад и три великие модификации Востока: Китай, Индия и исламский мир.

К мировому цивилизационному «пограничью» исторически относились эллинистическая цивилизация и Византия. В настоящее время к нему относятся две цивилизации планетарного масштаба — Россия–Евразия и Латинская Америка, и Балканская культурно-историческая общность. Вплоть до 1960-х годов сохраняла свой «пограничный» статус Пиренейская Европа². Начиная с 1970-х годов преобладающей тенденцией ее цивилизационного развития стал процесс интеграции в западную цивилизацию, который, однако, по нашему убеждению, далек от завершения: в культурно-историческом облике и Испании, и Португалии сохраняются заметные черты «пограничности».

Определяющая структурная характеристика цивилизаций «классического» типа — доминанта начала

¹ Начиная с монографии «Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории» (М.: Наука, 2001) и заканчивая многочисленными публикациями (статьями и главами в коллективных монографиях) последних лет. Из наиболее значимых см.: Шемякин Я. Г. Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте // *Цивилизации*. Вып. 12: Трансферы в истории и теории цивилизаций, М.: Наука, 2021, С. 137–141; *Он же*. Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Вып. 8 (106); *Он же*. Культура как способ бытия Латинской Америки. Характер и формы культурной детерминации латиноамериканской действительности // *Иберо-америка: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности*. М.: ИЛА РАН, 2022. С. 20–78.

² Шемякин Я. Г. Феномен модернизации: цивилизационное измерение. Статья 2: Ценности модернизации на Западе и в «не-западном» мире: особенности восприятия и динамика эволюции идентификационных стратегий // *Общественные науки и современность*. 2016. № 1. С. 117–128.

единства. Здесь наличествует некий единый духовно-ценностный стержень, пронизывающий все колоссальное многообразие этих человеческих миров. В противоположность этому ключевая особенность цивилизационного «пограничья» — доминанта многообразия, но при парадоксальном сохранении единства *sui generis*, порождающего тип социокультурной системности, качественно отличный от того, который наличествует в «классических» цивилизациях.

Переосмысление творческого наследия М. М. Бахтина в контексте цивилизационных исследований в последние годы привело нас к выводу, что соотношение начал единства и многообразия, в свою очередь, обусловлено тем или иным подходом к решению проблемы Другого, то есть способом формирования диалогической основы существования. Преобладание «исключающего» дискурса необходимым образом порождает ситуацию, при которой начало единства довлеет над началом многообразия, подавляя его, загоняя в жесткие институциональные и ценностные рамки. Поэтому «исключающий» дискурс занял столь значительное место в духовном космосе «классических» цивилизаций.

Самые яркие примеры: противопоставление «эллинов» и «варваров» в античном Средиземноморье и продолжающие эту линию дискурсы в истории Запада; восприятие Поднебесной как совершенного образа организации человеческой жизни, окруженного миром варваров, которых необходимо, подчинив, приобщить, насколько это возможно, к этому совершенному образцу; четкое деление мира на две части в ортодоксальном исламе: «дар-аль-ислам» (те, кто живет по законам «истинной веры») и «дар-аль-харб» (в дословном переводе — «территория войны») — все немусульмане, та часть человечества, которая должна быть любыми путями включена в «дар-аль-ислам». Разумеется, к «исключающему» дискурсу духовный космос «классических» цивилизаций никогда не сводился, он утверждается в постоянном противоборстве с контртенденцией — соотношением тенденций «включения» и «исключения» в разных цивилизациях менялось на протяжении истории.

С наибольшей силой и ясностью «исключающий» дискурс проявился в идеологии и социально-политической практике Запада, по-видимому, достигнув максимума в настоящее время. Напротив, в «классических» цивилизациях Востока наблюдается в последние годы усиление «включающего» дискурса. Косвенным подтверждением этой мысли является, на наш взгляд, вполне отчетливая и идеологически обосновываемая, опираясь на логику «включения», геополитическая ориентация Китая, Индии и ряда ключевых исламских стран на формирование полицентричного мироустройства. Подобная ориентация основана на принципе включения Другого в собственное экзистенциальное пространство. Разумеется, следует учитывать, что «исключающий» дискурс, будучи укоренен в соответствующих традициях, никуда не исчез. Тем не менее логика противостояния западному гегемонизму, основанному на «исключающем» дискурсе в его крайнем проявлении, способствует усилению «включающего» дискурса, который, будучи в течение долгого времени

отодвинут на периферию социальной жизни, тем не менее никогда не исчезал с духовного горизонта незападных традиций.

«Включающий» дискурс по самой своей сути (которую полностью отражает данный термин) предполагает восприятие Другого как естественной составляющей того многообразия, которое являет собой экзистенциальное пространство «пограничной» цивилизации. Так что доминанта многообразия необходимым образом обусловлена включением Другого в это пространство.

Наиболее яркие примеры преобладания «включающего» дискурса являют собой две цивилизации «пограничного» типа и планетарного масштаба: Россия–Евразия и Латинская Америка. В последних публикациях мы сделали первые шаги на пути осуществления сравнительного анализа этих цивилизаций по данному параметру¹. Уже на нынешнем этапе исследования примеры «включающего» дискурса в истории упомянутых цивилизаций (и соответственно их сопоставление) могли бы занять не одну страницу. Однако ограничение объема данного доклада не позволяет это сделать.

¹ Шемякин Я. Г. «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете // Ибероамериканские тетради. 2023. № 1. С. 41–67 ; *Он же*. О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения // Ибероамериканские тетради. 2023. № 4. С. 36–61 ; *Он же*. Россия и Латинская Америка: общность цивилизационного типа как духовно-мировоззренческая основа сотрудничества. (В печати).